

Наряду с рассмотренными выше работами участники экспедиции произвели запись на аудионосители образцов юкагирской речи, юкагирских, чукотских и эвенских танцевальных напевов и песен; засняли на киноплёнку танцы, езду на оленях и собаках, процесс строительства чума, а также различные бытовые сцены из жизни местного населения²⁹.

Примечательно, что ни до, ни после Юкагирской комплексной экспедиции в местах компактного проживания юкагиров исследований такого масштаба, с привлечением ведущих специалистов, не проводилось. Именно работам ее участников мы обязаны многим из современных представлений о юкагирах, включая сведения об их этногенезе, истории, языке, культуре и хозяйственной деятельности. Внимание ученых к различным этническим группам позволило создать широкую панораму жизни местного населения, что нашло отражение в трех фундаментальных монографиях и десятках научных статей (см. например: [3; 4; 9]). Экспедиция открыла большой научный путь И.М. Золотаревой, признанному впоследствии специалисту в области физической антропологии коренного населения Северной и Центральной Азии, М.Я. Жорницкой, ставшей крупнейшим специалистом по этнохорографу-

фии народов Севера, и С.А. Федосеевой, автору многочисленных археологических открытий на северо-востоке России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск, 2005. 666 с.
2. *Ширина Д.А.* Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725 – 1917 гг. Новосибирск, 1994. 281 с.
3. *Крейнович Е.А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982. 304 с.
4. *Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др.* Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975. 244 с.
5. *Посух О.Л.* Генетико-демографическое изучение популяций звенов и юкагиров Якутии: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1991. 16 с.
6. *Золотарева И.М., Башлай А.Г.* Серологические исследования в Якутии // Советская этнография. 1968. № 1. С. 46–55.
7. *Роон Т.П., Сирина А.А.* Е.А. Крейнович: жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 47–77.
8. *Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана. М., 1914. 134 с.
9. *Гурвич И.С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. 276 с.

Статья поступила
в редакцию 31.03.2014

УДК 94(47)“1945/1990”

А.А. ДОЛГОЛЮК

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: dolgalal@mail.ru

В статье оценивается современная историографическая ситуация изучения развития строительной отрасли в Сибири зарубежными учеными. Выявлены проблемы, которые привлекли их наибольшее внимание. Проанализировано 30 иностранных публикаций, в которых в той или иной мере затрагивалась исследуемая тематика. Иностранцами авторами прослеживалась взаимосвязь капитального строительства с экономической политикой по реализации в Сибири крупных программ общегосударственного значения. Показано негативное влияние ведомственности на сдерживание инвестиционного процесса. В качестве основных факторов развития производительных сил региона ученые определяли военно-стратегические и экспортные интересы, стремление страны получить недостающие сырье и материалы, готовую промышленную продукцию и т.п.

Большой интерес проявлен иностранцами к созданию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Ими оценивается его значимость для России и мировой экономики. Другой важной проблемой, привлекавшей внимание ученых, является масштабное энергетическое строительство на великих сибирских реках – Енисее и Ангаре. Прослеживается взаимосвязь сооружения гидроэлектростанций и создания крупных промышленных узлов и территориально-производственных комплексов.

При изучении истории формирования строительных трудовых коллективов зарубежные специалисты рассматривали такие вопросы, как использование на стройках принудительного труда, оценка его масштабов, источники и формы комплектования рабочих кадров. Они обращали внимание на труд заключенных, переселенцев, военнопленных и интернированных. Из форм пополнения чаще исследовались такие, как орнабор, общественный призыв, направление в тресты выпускников вузов, техникумов и профессионально-технических училищ.

Ключевые слова: зарубежная историография, капитальное строительство, формы пополнения кадров, строители, Сибирь, освоение территорий.

²⁹ Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 46.

Строительная отрасль – одна из ведущих сфер материального производства. Однако в отечественной историографии исследованию развития этой отрасли уделялось намного меньше внимания, чем промышленности и транспорту. В то же время многие зарубежные исследователи часто обращали свое внимание на капитальное строительство в нашей стране, в том числе в ее отдельных регионах. Однако пока не существует ни одной крупной работы, специально посвященной развитию строительной отрасли в Сибири. При этом во многих публикациях затрагивались различные аспекты данной проблемы. В настоящей статье предпринята попытка показать вклад иностранных исследователей в ее изучение.

Анализ зарубежных публикаций свидетельствует о значительном разнообразии мнений и выводов их авторов по поводу государственной политики освоения природных ресурсов Сибири, а также инвестиционного процесса в этом регионе. Например, американские ученые В. Моут и Т. Шабад, как и советские историки, отмечали взаимосвязь нового капитального строительства в Сибири с экономической политикой руководства страны по реализации здесь крупных региональных программ общегосударственного значения. К ним они относили такие, как создание Урало-Кузнецкого комбината, освоение уникальных гидроэнергетических ресурсов Енисея и Ангары, формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и хозяйственное освоение зоны Байкало-Амурской магистрали [1, с. 140].

Некоторые авторы справедливо отмечали негативное влияние на процесс хозяйственного освоения региона ведомственности, создающей диспропорции в развитии индустриальной и социальной сфер в Сибири. Об этом в своей книге «Сталинская командная экономика» писал английский советолог Т. Данмор [2, с. 98]. Он отмечал, что министерствам было удобнее вести капитальное строительство в европейских районах СССР. Здесь не требовалось дополнительных затрат на создание производственной и социальной инфраструктур. Как следствие, ведомства очень часто пересматривали свои инвестиционные программы в ущерб восточным районам.

В ряде работ говорится о том, что ускоренное развитие Сибири в послевоенные годы определялось потребностями народного хозяйства СССР в природных ресурсах региона, а также в его промышленной продукции. В то же время такие авторы, как В. Конолли, П. Дибб, Э. Стенли, Д. Хузон, в качестве причин ускоренного наращивания инвестиционной деятельности в Сибири выделяли также экспортные интересы СССР, стремление страны получить финансовую выручку от продажи за рубеж нефти, газа, леса и других материалов [3, с. 46, 47; 4, с. 13; 5, с. 69, 94, 113; 6, с. 124, 125]. Гораздо реже эти и другие авторы обращали внимание на основную причину – каждая из крупных общегосударственных инвестиционных программ была направлена на освоение отдельных территорий, на их превращение в новые индустриальные центры страны.

К вопросу о взаимоотношениях центра и регионов, включая Урал, Сибирь и Дальний Восток, зарубежные исследователи вернулись в 1980-е и последующие годы, когда им стали доступны советские архивы. Теперь они смогли более аргументированно показать как процесс перераспределения капитальных вложений в СССР в разные исторические периоды, так и влиявшие на него различные факторы. В частности, авторы отмечали возрастание доли восточных районов в общей сумме инвестиций, упоминали о существовавшей в стране практике обеспечения новостроек трудовыми ресурсами [7; 8; 9].

В ходе анализа сибирской экономики зарубежные ученые особо пристальное внимание уделяли развитию нефтяной и газовой промышленности, а также электроэнергетике. Их интерес вполне объясним. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс создавался с беспрецедентной скоростью. Капитальные затраты на обустройство, эксплуатацию месторождений, сооружение нефте- и газопроводов, развитие других транспортных коммуникаций, создание новых населенных пунктов, в том числе и городов, росли стремительно. Это позволило превратить Север Западной Сибири в главную нефтяную, а затем и газовую базу РСФСР и СССР. На основании анализа зарубежной литературы можно говорить об очевидных успехах в освоении сибирской нефти, которые поначалу многими учеными и специалистами воспринимались скептически. Например, Т. Армстронг правильно оценивал необходимость огромных инвестиций для успешного освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Он считал, что Советский Союз, с учетом отдаленности и неразвитости в хозяйственном отношении северных районов Тюменской области, был не в состоянии обеспечить грандиозный проект достаточным количеством инвестиций, а, следовательно, и крупномасштабную добычу нефти [10, с. 18]. Вскоре многие западные исследователи – В. Конолли, Т. Шабад, Л. Дайнес и др. – изменили свои взгляды [11, с. 260; 12, с. 17]. Более того, отдельные авторы с восторгом отнеслись к советскому опыту формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Так, американский специалист Дж.С. Джордж оценивал развитие Тюменского Севера во второй половине 1960-х гг. как «индустриальный взрыв». Он обратил внимание на сложности ведения в регионе инвестиционной деятельности, что было обусловлено отсутствием дорог, заболоченностью местности, суровостью природно-климатических условий, дефицитом кадров, необходимых для ведения крупномасштабного строительства [13, с. 50, 54].

Большой интерес у зарубежных авторов вызывала тема гигантского энергетического строительства в Сибири в послевоенные годы. Гидроэлектростанции на Ангаре и Енисее в период их сооружения посещали помимо делегаций из социалистических стран политики, инженеры, журналисты из развивающихся и капиталистических государств. Поначалу в западной прессе высказывалось много скептицизма о возможностях Советского Союза построить самые мощные для того

времени станции. Однако со временем некоторые изменили свое мнение.

Для многих советологов стало очевидным, что роль и значение крупных сибирских ГЭС не ограничивается лишь производством электроэнергии. Они становились катализатором индустриального развития слабоосвоенных в хозяйственном отношении районов. Одной из первых такой вывод сделала В. Конолли [3, с. 79]. И действительно вокруг мощнейших гидроэлектростанций возникали крупные промышленные узлы. Некоторые из них со временем переросли в территориально-производственные комплексы, такие как Братско-Усть-Илимский или Саянский. В первую очередь возведение ГЭС сопровождалось возведением энергоемких предприятий. Американский сибиревед Т. Шабад заметил, что в Сибири были построены самые мощные алюминиевые заводы (Иркутский, Братский, Красноярский, Саянский). Их общая мощность составила более половины от суммарной по СССР [14, с. 143].

Позицию Т. Шабада и В. Конолли разделяли не все советологи. Например, Т. Армстронг и Д. Хузон не хотели замечать высокой эффективности возведенных в Сибири крупнейших гидроэлектростанций, производящих дешевую электроэнергию. Они считали, что Советский Союз строил самые высокие для того времени плотины исключительно из честолюбивых амбиций, негласно соревнуясь в этом отношении с другими странами, в том числе с США [10, с. 23; 6, с. 85]. Конечно же, нельзя полностью игнорировать идеологическое и политическое значение сооружения одних из крупнейших в мире Братской, Красноярской, Саяно-Шушенской и Усть-Илимской гидроэлектростанций. Они наряду с некоторыми другими крупными объектами стали символами индустриальной мощи страны «победившего социализма», свидетельствовали о больших достижениях СССР в капитальном строительстве, машиностроении и в некоторых других сферах.

Зарубежные сибиреведы не обошли своим вниманием и проблему формирования трудовых коллективов строительных организаций. В этом плане их более всего интересовали вопросы социальных источников и форм пополнения трестов рабочими кадрами. В те годы, когда концепция «принудительного труда» в советской историографии почти не затрагивалась, иностранные исследователи, наоборот, ее активно разрабатывали, однако не всегда объективно. Они справедливо отмечали широкие возможности для сибирской экономики в использовании труда заключенных и спецпереселенцев в 1930–1950-е гг. Не имея возможности работать с соответствующими архивными фондами, зарубежные авторы приводили данные о численности этих «спецконтингентов», зачастую различающиеся между собой в несколько раз.

По мнению автора, умалять значение принудительного труда в хозяйственном освоении Сибири в середине XX в. не следует, хотя нельзя считать его ведущим фактором экономического прогресса региона, как его оценивали Т. Армстронг, Х. Солсбери [10,

с. 25; 15, с. 167]. В целом доля принудительного труда в сибирской экономике не достигала и десятой части. Однако на отдельных крупных стройках, прежде всего на сооружении транспортных коммуникаций, действительно использовались десятки тысяч представителей различных «спецконтингентов». Полярная магистраль возводилась преимущественно заключенными. На строительстве железной дороги Тайшет – Братск к ним добавились японские военнопленные.

Правительству страны было удобно использовать такую «рабочую силу» на подобных стройках из-за ее мобильности. В этом отношении были правы американцы Т. Шабад и В.Л. Моут, когда они оценивали подневольные трудовые ресурсы миллионами человек (в начале 1950-х гг. – более 5 млн. – А. Д.). Эти авторы писали, что заключенные использовались на территориях с суровыми природно-климатическими условиями, в которые, по их мнению, привлечь десятки тысяч добровольцев было просто невозможно. Они отмечали и такое качество «спецконтингентов», как возможность быстро передислоцировать большие массы людей с одного места на другое [1, с. 14].

Учитывая факт наличия в Советском Союзе многотысячных контингентов заключенных, спецпереселенцев и других категорий, английский советолог Р. Хатчингс писал, что он не представляет себе крупномасштабного индустриального строительства в Сибири на основе свободного труда [16, с. 293]. Такое утверждение не верно даже для периода 1930–1955 гг., когда в СССР существовала широкая сеть лагерей и спецпоселений. Уже с 1956 г. численность «спецконтингентов» стала быстро сокращаться. Поэтому для второй половины XX в. указанный вывод в принципе не верен. Уже на строительстве Братской и Красноярской гидроэлектростанций труд заключенных использовался в ограниченных размерах, как и на сооружении важнейших объектов закрытых городов: Томск-7, Красноярск-26, Красноярск-45 и на многих других стройках. С 1955 по 1970 г. численность вольнонаемных строителей выросла в 2 раза и достигла 657 тыс. чел. [17, с. 148]

Некоторые из сибиреведов откровенно предвзято интерпретируют сущность такой массовой формы пополнения строительных коллективов, как общественный призыв. Разброс в ее оценках достаточно большой. Одни из авторов видели причины приезда молодых людей на новостройки в поиске приключений, другие – в конфликте поколений и т.п. Пожалуй, наиболее реакционную позицию занимал Х.Э. Солсбери. Он бездоказательно утверждал, что большая часть юношей и девушек поехала в восточные районы под давлением государственных структур, а также потому, что молодые люди «были несчастны и разочарованы жизнью и искали любую новую альтернативу скуке», которую они испытывали на прежнем месте [15, с. 138]. На самом деле, как свидетельствовали данные социологических обследований, причины приезда были совсем другие. Например, среди приехавших на строительство Усть-Илимской и Саяно-Шушенской

гидроэлектростанций примерно трое из четырех указывали в качестве основных причин желание участвовать в большом и важном деле, в стремлении повысить свою рабочую квалификацию [18, с. 187; 19, с. 106].

Большой интерес иностранные исследователи проявляли к изучению вопроса использования принудительного труда в СССР, в частности в Сибири. Одной из первых работ, заложившей основу данному направлению, стала книга Д. Далина и Б. Николаевского «Принудительный труд в Советской России». В этой книге, вышедшей в США [20] в 1949 г., т.е. тогда, когда численность содержащихся в ГУЛАГе приближалась к своему наивысшему значению, были сделаны попытки охарактеризовать советскую лагерную систему, провести периодизацию в развитии сети исправительно-трудовых лагерей в СССР, в изучении географии ее размещения.

Несколько позднее аналогичные сюжеты были представлены в публикациях С. Шварца, Б. Яковлева, А. Бурцова, А. Ноува [21; 22; 23]. Однако для проведения глубокого и объективного анализа авторам работ явно не хватало источников. К тому же появление этих книг преследовало не только научные, познавательные цели, но также решение определенных политических и идеологических задач. Поэтому в них было много неточностей, неверных оценок и выводов. Начиная с середины 1980-х гг. как для российских, так и для зарубежных историков стали доступны ранее закрытые материалы. Поэтому уже вскоре появились новые работы иностранных авторов [24; 25; 26; 27; 28].

Во всех этих работах ученые из США, Великобритании, Германии и других стран на основе большого массива ранее секретных архивных фондов ОГПУ, НКВД, МВД СССР раскрывают масштабы и структуру лагерной экономики. Изучаются методы организации и стимулирования принудительного труда, оценивается его эффективность. Большое внимание уделяется выявлению особенностей использования труда различных «спецконтингетов» в восточных районах, где они занимали особенно высокую долю в общем трудовом балансе, в частности на сибирских стройках.

Взросшая доступность архивных источников, включая опубликованные документы, позволила иностранным историкам начиная с 1980-х гг. вновь обратиться к проблемам положения военнопленных в СССР [29; 30; 31; 32; 33]. Во многих этих работах затрагивалась вопросы правового положения, трудового использования военнопленных и интернированных, в том числе на сибирских стройках. Наибольшее внимание уделялось таким аспектам, как условия и организация труда, его стимулирование, эффективность, продолжительность рабочего дня.

Таким образом, зарубежные исследователи внесли свой вклад в освещение истории развития строительной отрасли в Сибири. Они значительно расширили палитру взглядов на государственную инвестиционную политику СССР и методы формирования трудовых коллективов. Объектами их наиболее пристального внимания являлись крупнейшие проекты, имеющие

общегосударственное значение, такие как ангаро-енисейская программа, формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shabad T., Mote V.L.* Gateway to Siberian Resources (the BAM). Wash.: Halsted Press Book, 1977. 189 p.
2. *Dunmor T.* The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–53. L., 1980. 364 p.
3. *Conolly V.* Siberia today and tomorrow. A study of economic resources: problems and achievements. Glasgow, 1975. 248 p.
4. *Dibb P.* Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. N. Y.: Praeger. 1972. 167 p.
5. *Stenley E.J.* Regional Distribution of Soviet Industrial Manpower. 1940–1960. N. Y.; Wash., 1968. 218 p.
6. *Hooson D.J.* The Soviet Union: People and Regions. L., 1966. 215 p.
7. *Harris J.R.* The Grate Ural regionalism and the evolution Soviet System. N. Y.: Ithaca, 1999. 236 p.
8. *Lewing M.* Russia / USSR / Russia. The drive and drift of a superstate. N. Y.: New Press: Distributed by W.W. Norton and Co, 1995. 329 p.
9. The transformation of state socialism. System change, Capitalism or something else? / ed. D. Lane. Palgrave MacMilan, 2007. 378 p.
10. *Armstrong T.* Soviet northern development, with some Alaskan parallels and contrasts. Fairbanks: University of Alaska. ISEGR. 1970. 237 p.
11. *Conolly V.E.* Beyond the Ural. Economic development in Soviet Asia. L.: Oxford Univ. Press, 1967. 420 p.
12. *Dienes L., Shabad T.* The Soviet energy system: resource use and policies. Wash.: V.H. Winston and Sons, 1979. 461 p.
13. *George G.S.* Siberia – the New Frontiers. N. Y.: David McKay Co. Inc., 1969. 234 p.
14. *Shabad T.* Siberia and the Soviet Far East: policies in energy and raw materials sectors: a commercial assessment // Regional development in the USSA. Brussels, 1979. P. 132–150.
15. *Salisbury H.E.* To Moscow – and beyond. A reporter's narrative. L.: Michael Joseph, 1960. 301 p.
16. *Hutchings R.* Soviet economic development. Oxford: Basil Blackwell, 1971. 322 p.
17. *Долголюк А.А.* Сибирские строители в 1946–1970 гг. Новосибирск, 2013. 476 с.
18. *Алексеев В.В.* Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск, 1976. Ч. II: 1951–1970 гг. 272 с.
19. *Зубков К.И.* Современная буржуазная историография индустриального развития Сибири (1950–1980-е гг.). Новосибирск, 1990. 162 с.
20. *Dallin D.F., Nicolaevsky B.* Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947. 107 p.
21. *Schwarz S.* Russia's Soviet Economy. 2nd ed. N. Y., 1954. 682 p.
22. *Яковлев Б., Бурцов А.* Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955. 287 с.
23. *Nove A.* The Soviet Economy: An Introduction. L., 1961. 328 p.
24. *Конквест П.* Большой террор: в 2 т. Рига: Ракстниекс, 1991. 416 с. + 432 с.
25. *Bacon E.* The GULAG at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archives. L., 1994. 190 p.
26. *Bardach J., Kathleen G.* Man. Is Wolf To Man: Surviving the Gulag. Berkely: Univ. of California Press, 1999. 392 p.
27. *Kuromiya H.* Stalin's Industrial Revolution. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. 392 p.
28. *Mochulsky A., Vasilevich F.* Gulag Boss: A Soviet Memoir. Translated and edited by Deborah Kaple. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2011. 229 p.

29. Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion: 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext-Verl., 2000. 417 s.

30. Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion, 1941–1956. Wien; München; Oldenburg, 1995. 269 s.

31. Карнов В.В. Бранці Сталіна. Сибірське інтернування японської армії. (японською мовою) / пер. Рьодзі Нагасе. Хоккай-до, 2001. 373 с.

32. Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München, 1986. 359 p.

33. Overmans Rüdiger. Soldaten hinter Stacheldraht. Deutsche Kriegsgefangene des Zweiten Weltkriegs in Zusammenarbeit mit Ulrike Goeken. Haidi; Berlin: München Propylaen Verlag, 2000. 385 s.

Статья поступила
в редакцию 27.02.2014

УДК 069

Е.А. ВОРОНЦОВА

МУЗЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
научный редактор Государственного
литературного музея (ГЛМ),
г. Москва
e-mail: eworonzowa@mail.ru

Цель статьи – привлечь внимание к теоретико-методологическим вопросам, важным для понимания места музея в системе информационного обеспечения исторической науки, а именно: музей как один из базовых элементов информационной инфраструктуры исторической науки; структурирование и систематизация музейных фондов с учетом нужд науки; собрания в литературных музеях как источник информации для историка литературы и культуры; использование информационных технологий с учетом специфики коммуникации научного и музейного сообществ (взаимосвязи и взаимоотторжения); репрезентация информационного потенциала музеев и т.д.

Автор подходит к информационному обеспечению как со стороны технологий, так и с учетом содержательного наполнения. Музей и наука рассматриваются как партнеры, включенные в информационный процесс каждый по-своему и необходимые друг другу в процессе добывания, сохранения и репрезентации информации. Исторической науке нужны информационные ресурсы музея, его экспозиции (как площадки для репрезентации научного знания обществу), причем наиболее востребованы информационные ресурсы исторических музеев. Музей историческое знание необходимо для научного обоснования принципов комплектования, систематизации и каталогизации фондов, повышения информационной отдачи музейных собраний, создания экспозиций и выставок, отвечающих требованию репрезентативности.

Очертив круг вопросов теории и методологии как исторической науки, так и науки о музее (музееведении), значимых для совершенствования научных оснований информационного обеспечения и исторической науки, а также деятельности музеев, автор констатирует: потенциал их полезности друг другу использован пока недостаточно; в информационном обществе информационное обеспечение стало еще более значимым фактором развития исторической науки, и возросшая роль коммуникации и репрезентации информации потребовала от музея облегчить историкам доступ к своим собраниям, прибегнув наряду с традиционными к инновационным способам.

Ключевые слова: историческая наука, информационное обеспечение, информационный ресурс, музей, исторический музей, музееведение, исторический источник, музейный предмет, репрезентация, научные коммуникации.

Для понимания теоретико-методологических проблем, связанных с эффективным взаимодействием исторической науки и музея как информационных партнеров, актуальным представляется обсуждение, в том числе на профильных конференциях¹, следующих вопросов: музей как базовый элемент информационной

инфраструктуры исторической науки; музейное собрание как информационный ресурс этой науки, структурирование и систематизация музейных фондов с учетом ее нужд; технологии извлечения информации из музейных предметов в прошлом–настоящем–будущем; репрезентация информационного потенциала музеев; специфика коммуникации научного и музейного сообществ.

Исследование музея как элемента системы информационного обеспечения исторической науки для автора является «возвратом» (термин Тойнби) к проблеме сосуществования в информационном поле ис-

¹ 29 сентября – 3 октября 2014 г. в Новосибирске, в Институте истории Сибирского отделения РАН в рамках II Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» под руководством автора статьи планируется работа секции «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки».